

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Стародубова О.Ю. Декодирование действительности и моделирование альтернативного фактического поля в медийном дискурсе // Филология: научные исследования. 2024. № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.71572

EDN: QQXXGR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71572

Декодирование действительности и моделирование альтернативного фактического поля в медийном дискурсе

Стародубова Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского языка как иностранного ИМОП; Московский государственный лингвистический университет

119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38

✉ oystarodubova@mail.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.71572

EDN:

QQXXGR

Дата направления статьи в редакцию:

23-08-2024

Дата публикации:

30-08-2024

Аннотация: Объектом исследования являются механизмы декодирования реальной действительности, с одной стороны, а также особенности моделирования альтернативной событийности интерпретативного характера в рамках медийного дискурса, с другой. Предметом исследования становятся способы конструирования новой реальности как системы концептов, средства их объективации на прагматическом и лингвистическом уровнях в рамках политического сегмента медийного дискурса на примере материалов брифинга официального представителя МИД России М.В. Захаровой. При этом особое внимание на уровне прагматики уделяется выявлению тактик и стратегий, номинаций субъектов-участников коммуникации, а на собственно лингвистическом уровне – прецедентных феноменов, дискурсивных слов, характера синтагматики, особенностей стилистической маркировки отдельных номинаций и других ресурсов, способствующих

моделированию не столько нового фактического поля, сколько его концептуальной модели. При исследовании политического сегмента медийного дискурса на материале поликодового текста автор опирается на принципы антропологической лингводидактики, включающей коммуникативно-деятельностный подход, используются также когнитивно-дискурсивные методы, способствующие выявлению особенностей моделирования картины мира. Основными выводами проведенного исследования является установление факта перлокутивности, акциональности медийного дискурса, его неоспоримого влияния на моделирование глобальной картины мира и трансляцию российской модели глобализации, а также влияние на сознание реципиента. Кроме того, следует отметить лингводидактический потенциал политического сегмента медийного дискурса, в особенности при изучении русского языка иностранцами. Новизной и особым вкладом автора в исследование специфики интерпретации событийного поля в рамках политического сегмента медийного дискурса становится выявление в концептуальной оппозиции своего и чужого дополнительного компонента — иного, который позиционируется как сегмент принятия инаковости, играющий ключевую роль в создании российской модели глобализации, основанной на принципах всеобщего паритета. На этом фоне политический дискурс становится источником ценной информации не только событийного, но и концептуального характера как для носителей языкового сознания, так и для инофонов.

Ключевые слова:

медийный дискурс, политический дискурс, картина мира, свое, чужое, иное, тактики речи, стратегии речи, прецедентность, дискурсивные слова

Введение.

На современном этапе медийный дискурс, в особенности его отдельные сегменты с учетом процессов и побочных эффектов глобализации иллюстрируют кардинальные изменения картины мира, системы национальных и универсальных ценностей. *Медиацентризм* как доминанта эпохи диктует свои законы моделирования действительности в рамках конкретного текстового продукта, при этом реальная событийность или фактическое поле подвергается существенной переработке в связи с интересами и идеологическими предпочтениями продуцента речи, затем встраивается в текст и транслируется читателю в контексте новой модели и конкретного факта, и картины мира в целом, дифференцируя *свое* и *чужое*. Итогом становится существенная переориентация сознания реципиента [\[1, 2, 4, 8\]](#). В связи с этим *задача* читателя, в особенности если речь идет о процессе обучения анализу медийного дискурса как в русскоязычной, так и в аудитории инофонов, помнить о том, что СМИ моделируют вторичную, параллельную, альтернативную реальность интерпретативного, оценочного характера, часто используя манипулятивные, конфликтогенные стратегии, сопряженные с политизацией и идеологической доминантой [\[1, 2, 9, 10\]](#). Особенностью отдельных медийных текстов становится расширение, детализация концептуальной оппозиции *своего* и *чужого* как средства интерпретации политических событий и дополнение ее еще одним компонентом — *иное*, которое позиционируется как уважительное принятие *инаковости*, что может быть сопряжено с неконфликтным отношением в аспекте межкультурной коммуникации к ценностям и особенностям другой культуры, религии и т.д.

Методика исследования.

В связи с многослойной структурой медийного дискурса в процессе его декодирования необходимо на первом этапе отделение *фактума* от *модуса* (событий от оценки), но это не всегда просто, так как интерпретация, как правило, не прямая – она *инкрустируется в событийное поле*, и сам способ его подачи (номинации субъектов, фактов и др.) уже содержит оценку. Именно поэтому процесс обучения анализу медийного дискурса нуждается в профессиональном сопровождении. При этом следует опираться на *принципы антропологической лингводидактики, коммуникативно-деятельностный подход, использовать когнитивно-дискурсивные методы* [\[5, 6, 7\]](#).

Следующим этапом становится составление различных *таблиц*, например, по дифференциации типов информативности: фактуальной (ключевой, уточняющей и др.), текстовой, затекстовой, эксплицитной, имплицитной, концептуальной. Другим вариантом таблицы становится дифференциация *своего* и *чужого*, а также *иного*, при этом в соответствующие графы включаются все номинации и приемы (в том числе прецедентность, концептуальные метафоры, дискурсивные слова, не имеющие эквивалентов в другом языке, ресурсы стилистики, грамматики: форм частей речи, структуры предложений), а также тактики, стратегии, интенции, реализуемые при помощи указанных приемов и т.д.

Целесообразно также сопоставление интерпретаций одного и того же события в разных источниках – это дает возможность получения более полной, объективной информации.

Если текст звучащий (креолизированный, поликодовый), необходимо учитывать и невербальные знаки, в том числе интонацию, которая дополняет и усиливает авторские интенции. Если речь идет о письменном тексте, следует обратить внимание на ресурсы *метаграфемики* (шрифт, цвет, размер начертаний, нестандартные знаки препинания, расположение фрагментов текста на странице, членение на абзацы), например, кавычки могут служить средством выражения иронии, а значит, интенции критики, которая показывает авторские предпочтения.

Следующим этапом декодирования текстовой информации становится интерпретация полученных данных, в том числе статистическая (на практике часто отмечается минимизация или, напротив, детализация или дифференциация *чужого* и *иного*).

Целесообразно для закрепления методики написание резюме или рецензий.

Результатом постоянного применения описанной методики становится формирование целого ряда *компетенций* (социокультурной, лингвистической и т.д.), аналитического, критического мышления, а также устойчивой модели декодирования как текстовой реальности, так и затекстовой действительности, картины мира [\[5, 6, 7\]](#).

Результаты исследования.

Обратимся к практике. Рассмотрим применение описанной методики на материалах Брифинга официального представителя МИД России М. Захаровой от 6 декабря 2023г. [3 здесь и далее]. Основная цель брифинга – попытка объективной характеристики современной международной обстановки, декодирование истинного смысла номинаций событий, данных оппозиционной стороной, то есть смоделированной, сфальсифицированной реальности, а также конструирование новой *модели глобализации* на основе оценочной характеристики фактов, событий в рамках не только национальной российской картины мира (в том числе концепта патриотизма и т.д.), но и

с учетом иных национальных, религиозных и др. интересов и ценностей. Таким образом, продуцент речи использует *коммуникативную стратегию*, основной задачей которой становится намерение урегулирования глобальных и локальных конфликтов, позиционирование образа России как миротворца в едином, глобальном мировом пространстве.

Одним из ключевых ресурсов реализации указанной стратегии становится *субъектная организация* текста, а также в ее рамках *тактики детализации и дифференциации* субъектов. Для этого используются множественные номинации (единичные и коллективные) как *своих*, так и *иных* и *чужих*. Например, *свое* представлено следующими вариантами: *Россия, россияне, Русский мир, наши граждане, мирные граждане, мирные жители, гражданские лица, ребенок, ни в чем не повинная женщина, российские дипломаты, наша страна, абсолютное большинство членов мирового сообщества* [3]. В указанных примерах используется тактика *единения*, актуализированы национальные, гендерные, возрастные, профессиональные, социальные идентичности, сопряженные с универсальными позитивными концептами *мир, нация, государство, человек, Отечество*; маркером авторской оценки становится притяжательное местоимение *наши*, которое актуализирует концепт патриотизм, используется нейтральная или книжная лексика.

Чужое представлено следующими вариантами: *«коллективный Запад», натовские страны, западники, «тяжеловесы» американской внешней политики, играют роль не «серых», а «ярких» кардиналов, киевский режим, бандеровцы, боевики ВСУ, киевские переговорщики, НАТО, британские власти, «миротворцы» (ирония), нацисты, неонацисты, (прочие) экстремисты, национал-радикалы, коллаборационисты, «борцы за независимость» (ирония), они, нынешний режим в Белом доме, Североатлантический альянс, недружественные страны, трансатлантические корпорации и т. д.* [3]. В приведенных примерах применяется тактика *аналогизации* (номинация через отсылку к подобным событиям прошлого – прием *прецедентность*), часто используются кавычки, подчеркивающие иронию, а также театральные и спортивные концептуальные метафоры, а также дискурсивные слова, которые транслируют негативную авторскую оценку, для точного понимания которой необходимо учитывать синтагматику субъектных номинаций, в том числе стилистику контекста.

При этом М. Захарова дифференцирует «западный» субъект, а также «украинский», подчеркивая их неоднородность, отделяя политические, идеологические идентичности (*чужое*) от *иных*, гражданских, общечеловеческих (универсальных). *Свое/ иное* – это *собственный народ, избиратели (западных стран), мирные граждане Украины, свои же граждане на юго-востоке Украины, абсолютное большинство членов мирового сообщества (разделяет российские подходы по вопросам противодействия героизации нацизма), минимизируя таким образом чужое: киевскорежимные коррупционеры, погрязший в крови и коррупции режим В. А. Зеленского (торгующий собственными гражданами), англосаксонские кураторы, натовская «бригада», натовские и еэсовские «бригадиры», Боевик И.Таран, украинский неонацист* [3].

При анализе субъектных номинаций как отдельных лиц, так и коллективного субъекта необходимо учитывать синтагматику, которая может содержать эксплицитную или имплицитную оценку, концептуальные метафоры, стилистически окрашенную лексику (контрасты) – все это становится маркером авторского присутствия в тексте. Во всех завыченных субъектных номинациях используется ирония, то есть интенция критики неконструктивной политики властей западных стран и Украинского режима (знаки препинания являются ресурсом *синграфемки* — одного из разделов *метаграфемки* как

небуквенной трансляции смысла, логических акцентов, оценки).

Еще одним важным механизмом реализации коммуникативной стратегии в речи М. Захаровой становится номинация фактов, событий, явлений – *«русофобская деятельность «коллективного Запада», травля наших граждан во всех сферах, кампания по «отмене» России, нашей культуры ... тотальную дискриминацию россиян кампании по фальсификации истории и искажению роли СССР в обеспечении Победы над нацизмом и создании современной системы международных отношений... Цели этих поражающих масштабами цинизма акций по пересмотру истории называют теперь открыто: поменять местами агрессоров, развязавших самую масштабную в истории человечества войну и воплощавших в жизнь идеологию расовой исключительности, и государство-участника антигитлеровской коалиции, внесшего решающий вклад в достижение Победы....»* и т. д. [\[3\]](#).

Одна из ключевых задач продуцента речи – привлечь внимание аудитории к попытке отмены России и русской культуры, а также любой *инаковости*, не вписывающейся в стандарты коллективного Запада, к попытке переформатирования общественного мнения в нужном Западу ключе, глобальной проблеме формирования *«новой нормы»*, а точнее деформирования универсальных, традиционных, национальных и религиозных ценностей (концепты мир, память и др.): *«Для борьбы с Русским миром и советским мемориальным наследием активно задействуются национал-радикалы и прочие экстремисты, которые тогда стояли бок о бок с нацистами, а теперь превратились в эталон (как их называют на Западе) «правильного патриотизма». Теперь есть «новая нормальность» и «правильный патриотизм»* » [\[3\]](#). В приведенном фрагменте кавычки (ресурс синграфемки) становятся средством выражения иронии, а значит, интенции критики, которую поддерживают дискурсивные слова (*прочие, как их называют и др.*), структура предложения (пассивные конструкции), вставные конструкции (с нулевой позицией субъекта, то есть обезличивающие чужое), прецедентность (*бок о бок*).

Вывод.

Таким образом, в ходе исследования особенностей декодирования действительности продуцентом речи в политическом сегменте медийного дискурса, *инкрустации* событийности в текст и моделирования нового фактического поля выяснилось, что наиболее активными механизмами становятся на прагматическом уровне *коммуникативная стратегия, тактики детализации, аналогизации, субъектная организация* (номинация участников актуализирует определенный тип идентичности – социальный, религиозный, национальный и т.д., а следовательно, эксплицирует концепт, дифференцируя *свое/ иное и чужое*), средства метаграфемки, а на лингвистическом уровне – *прецедентность, дискурсивные слова, концептуальные метафоры*, а также *ресурсы стилистики*.

Кроме того, тексты политического дискурса содержат не только и не столько события и их оценку, сколько объективацию новой ценностной глобальной и национальной картины мира, которая корректируется в связи с меняющимся политическим пейзажем, а также транслируют *российскую модель глобализации*, основанную на традиционных, стабильных ценностях; не на однополярности, унилатерализме с доминантой чьих-либо интересов, а на принципах открытости, паритета всех участников мирового сообщества, что особенно важно для понимания *мягкой силы* России, ее стремления к конструктивному решению глобальных проблем и международных вопросов. Именно этот сегмент концептуальной информации важно вычленять при анализе имплицитной составляющей текста как фрагмента медийного политического дискурса, особенно в

процессе обучения как носителей русского языкового сознания, так и инофонов, изучающих русский язык и культуру [\[8\]](#).

Библиография

1. Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. – М., 2004. 94 с.
2. Гостева Ж.Е. Картина политического мира и дискурс политической коммуникации.// Известия ВГПУ. – 2012, №2. С. 40-42.
3. Захарова М.В. Брифинг официального представителя МИД России, М. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1919516/#0.
4. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 11-24.
5. Мухаммад Л.П. Основы антропологической лингводидактики: истоки, состояние, перспективы//. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021 – № 2. № 2. С. 87-92.
6. Стародубова О.Ю. Аспекты интерпретации текста. Издательство Проспект. – М., 2023. – 48 с.
7. Стародубова О.Ю. Лингвокультурная ситуация сквозь призму прецедентного феномена как отражение интертекстуальности в эпоху глобализации. // Вестник МГОУ, серия Лингвистика, 2019, № 5. С. 101-112.
8. Стриженко А.А. К вопросу семантической организации политического текста// Язык и коммуникация. Сб. науч. тр. Вып. 124. – М.: МГПИИЯ, 1978. С. 161-168.
9. Чикилева Л.С. Риторический дискурс: когнитивно-прагматический и структурностилистический аспекты. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 316 с.
10. Шапочкин, Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект : монография. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. – 2-е изд., перераб. и доп. – Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2018. – 292 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Политический дискурс явление особого синкретического порядка. В нем соединяются разные механизмы, способы и принципы воздействия и манифестации. При этом можно говорить и о его уникальных, отличных свойствах. Рецензируемый материал направлен на формат декодирования действительности и верификацию моделирования альтернативного фактического поля в медийном пространстве. На мой взгляд, работа достаточно интересна, общая концептуальная основа выверена, должная аналитика выдержана. Стиль сочинения тяготеет к научному типу: например, «медиацентризм как доминанта эпохи диктует свои законы моделирования действительности в рамках конкретного текстового продукта, при этом реальная событийность или фактическое поле подвергается существенной переработке в связи с интересами и идеологическими предпочтениями продуцента речи, затем встраивается в текст и транслируется читателю в контексте новой модели и конкретного факта, и картины мира в целом, дифференцируя свое и чужое», или «если текст звучащий (креолизованный, поликодовый), необходимо учитывать и невербальные знаки, в том числе интонацию, которая дополняет и

усиливает авторские интенции. Если речь идет о письменном тексте, следует обратить внимание на ресурсы метаграфемы (шрифт, цвет, размер начертаний, нестандартные знаки препинания, расположение фрагментов текста на странице, членение на абзацы), например, кавычки могут служить средством выражения иронии, а значит, интенции критики, которая показывает авторские предпочтения» и т.д. В качестве рабочего материала взят «брифинг М. Захаровой, официального представителя МИД РФ»: «Обратимся к практике. Рассмотрим применение описанной методики на материалах Брифинга официального представителя МИД России М. Захаровой от 6 декабря 2023г. [3 здесь и далее]. Основная цель брифинга – попытка объективной характеристики современной международной обстановки, декодирование истинного смысла номинаций событий, данных оппозиционной стороной, то есть смоделированной, сфальсифицированной реальности, а также конструирование новой модели глобализации на основе оценочной характеристики фактов, событий в рамках не только национальной российской картины мира (в том числе концепта патриотизма и т.д.), но и с учетом иных национальных, религиозных и др. интересов и ценностей». В статье полномерно оценивается языковой блок / лексический состав речи, это дает основание сказать, что исследование имеет цельный завершённый вид: например, «Например, свое представлено следующими вариантами: Россия, россияне, Русский мир, наши граждане, мирные граждане, мирные жители, гражданские лица, ребенок, ни в чем не повинная женщина, российские дипломаты, наша страна, абсолютное большинство членов мирового сообщества [3]. В указанных примерах используется тактика единения, актуализированы национальные, гендерные, возрастные, профессиональные, социальные идентичности, сопряженные с универсальными позитивными концептами мир, нация, государство, человек, Отечество; маркером авторской оценки становится притяжательное местоимение наши, которое актуализирует концепт патриотизм, используется нейтральная или книжная лексика» и т.д. Аргументация и выводы направлены на объективный ценз, фактические неточности в работе не выявлены. Автор стремится к тому, чтобы работа имела более сложный вид, при этом была полезна читателю / исследователю. Подчеркну практическую значимость труда, также то, что автор учел общие требования издания. Цель исследования достигнута, в выводах отмечено, что «тексты политического дискурса содержат не только и не столько события и их оценку, сколько объективацию новой ценностной глобальной и национальной картины мира, которая корректируется в связи с меняющимся политическим пейзажем, а также транслируют российскую модель глобализации, основанную на традиционных, стабильных ценностях; не на однополярности, унилатерализме с доминантой чьих-либо интересов, а на принципах открытости, паритета всех участников мирового сообщества, что особенно важно для понимания мягкой силы России, ее стремления к конструктивному решению глобальных проблем и международных вопросов». Думаю, что потенциальный читатель для данного текста найдется, материал уместно использовать в вузовской практике, при изучении дисциплин гуманитарного цикла. Рекомендую статью «Декодирование действительности и моделирование альтернативного фактического поля в медийном дискурсе» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».